

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 821(091)(470.5)-1

DOI 10.37386/2305-4077-2026-1-225-234

© Н. П. Филатов¹

*Алтайский государственный педагогический университет
(Барнаул, Россия)*

ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРАВОСЛАВНОЙ И СВЕТСКОЙ КУЛЬТУР РОССИИ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА I (1801–1825)

Статья посвящена анализу факторов, подлежащих учёту при исследовании динамики взаимоотношений православной и светской культур России в период правления Александра I. Установлено, что мировоззрение высшего общества формировалось в тот период под влиянием мистицизма, связанной с романтизмом немецкой идеалистической философии и масонства. Эти факторы выступали для аристократии в роли самодостаточных символических систем, обеспечивающих связь символического сознания с трансцендентным миром. Доминирование выделенных культурных единиц в высшем российском обществе Александровской эпохи свидетельствует о стремлении аристократии удовлетворить потребности символического сознания, минуя дефиниции, утверждённые официальной Церковью. Подчёркивается источниковая неоднородность символизма обеих культур, что является разъединяющим фактором, лежащим в основе динамики их взаимоотношений в выделенный временной период. Ввиду выявленного обстоятельства предлагается рассматривать взаимоотношения православной и светской культур как процесс взаимодействия двух разнородных символических универсумов.

Ключевые слова: факторы взаимоотношений, динамика взаимоотношений, православная культура, светская культура, Александр I, символизм, мистицизм, немецкий идеализм, романтизм, масонство

Nikolay P. Filatov

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

FACTORS OF THE DYNAMICS OF RELATIONS BETWEEN ORTHODOX AND SECULAR CULTURES OF RUSSIA DURING THE REIGN OF ALEXANDER I (1801–1825)

¹ Николай Павлович Филатов – аспирант кафедры аспирант 1-го курса ФГБОУ ВО Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). ORCID: 0009-0009-7829-5092. E-mail: filatov_nikolay_pavlovich@mail.ru.

This article analyzes factors that must be considered when studying the dynamics of the relationship between Orthodox and secular cultures in Russia during the reign of Alexander I. It is established that the worldview of high society was shaped during this period by mysticism, German idealistic philosophy, and Freemasonry, which are associated with Romanticism. These factors served as self-sufficient symbolic systems for the aristocracy, providing a connection between symbolic consciousness and the transcendental world. The dominance of these cultural units in high Russian society during the reign of Alexander I testifies to the aristocracy's desire to satisfy the needs of symbolic consciousness, bypassing the definitions approved by the official Church. The heterogeneity of the symbolism of both cultures is emphasized, which is a divisive factor underlying the dynamics of their relationship during this period. Given this semantic heterogeneity, it is proposed to consider the relationship between Orthodox and secular cultures as a process of interaction between two disparate symbolic universes.

Key words: relationship factors, relationship dynamics, Orthodox culture, secular culture, Alexander I, symbolism, mysticism, German idealism, romanticism, Freemasonry

Процесс взаимоотношений представителей православной и светской культур в России условно можно разделить на несколько ключевых периодов. Первый период – это XVIII век, время активного внедрения в жизнь высшего российского общества светской культуры, основанной на идеях философов-просветителей. XIX – начало XX века – этап усиления секуляризационных процессов, заметно расширивших значимость светского культурного начала в российском социуме. Период с 1917 по 1985 год – время преобладания в общественном сознании светских культурных ценностей, вытеснивших православную культуру на периферию бытия. Середина 80-х гг. XX века по настоящее время – новый этап, обусловленный возрождением православной культуры в жизни российского социума.

Перечисленные временные периоды отличаются друг от друга своеобразными культурфилософскими особенностями, влияющими как на динамику православной и светской культур, так и на формирование определённого типа взаимоотношений между ними. Проследить развитие этих взаимоотношений в целостном виде возможно не иначе как посредством детального анализа доминирующих в сознании правящих кругов в тот или иной период мировоззренческих установок. Эта необходимость вытекает из исторической картины, свидетельствующей о решающей роли элиты в формировании отношений светского и религиозного начал. Поскольку на протяжении жизни человеческое сознание может изменяться, то трансформации подвержены и межкультурные взаимоотношения, развивающиеся в правление того или иного властителя. Ввиду этого обстоятельства выделенные временные этапы могут быть

исследованы и в более сжатом виде, отражающем причины изменения взаимоотношений носителей православного и светского сознаний.

В проведённых ранее авторских исследованиях был рассмотрен период XVIII века [Скопа, Филатов, 2024; Филатов, 2024]. Целью настоящей работы является анализ факторов, отражающих динамику взаимоотношений православной и светской культур России в эпоху правления Александра I. Реализация поставленной цели требует решения следующих задач. 1). На основе культурфилософского анализа ситуации, сложившейся в период правления Александра I, выявить ключевые факторы, обусловившие мировоззренческие особенности представителей светской культуры. 2). Установить индивидуальный характер и причину доминирования выявленных факторов в сознании высшего общества Александровской эпохи.

К концу XVIII столетия в российском обществе окончательно утвердилось светское культурное начало. Синкретическая мировоззренческая неоднородность, наблюдаемая в период правления Петра I и Елизаветы Петровны, была преодолена в Екатерининскую эпоху. Переходное время закончилось, и молодое поколение русского дворянства, впитавшее с юных лет философский дух эпохи Просвещения, вошло в XIX столетие с полным осознанием границ православного и светского начал. При этом семантика, отражаемая феноменами светской культуры, зачастую была более близка и понятна молодым людям высшего сословия, чем религиозные принципы православия.

Исключением не был и Александр I. Воспитанный при дворе на идеалах европейского гуманизма, император, взойдя на престол, окружил себя людьми, не испытывающими глубоких чувств к православию. В число его ближайших сторонников входили и католик А. Чарторыйский, и равнодушный к религии князь А. Голицын, которого император назначил в 1803 г. обер-прокурором Святейшего Синода. Не отличался строгой приверженностью к православию и М. М. Сперанский, идейный советчик императора. Несмотря на генетическую связь с духовным сословием и наличием религиозного образования, он был склонен к внецерковному мистицизму. Духовная атмосфера, царившая в окружавшем Александра I обществе, может быть определена его собственной характеристикой: «Я был, как и все мои современники, не набожен» [цит. по: Тальберг, 2008, с. 47], – говорил император, оценивая своё религиозное состояние. Речь в этом случае идёт о первой половине правления Александра I, в которую он не уделял повышенного внимания своей религиозности.

Война 1812 г. сильнейшим образом подействовала на императора, изменив его мировоззрение. Следуя общеевропейской тенденции, поддерживаемой его ближайшим окружением, Александр I увлёкся мистицизмом и стал проявлять открытую симпатию к инославным конфессиям. Ситуация изменилась лишь в последнее десятилетие правления самодержца, на протяжении которого он выказывал неподдельный интерес к православию [Фёдоров, 2003, с. 187]. Некоторые современные исследователи склонны видеть в таком поведении императора лишь политическую подоплёку, представляя его сугубо рациональным и расчётливым человеком [Чернов, 2020, с. 25]. Мистификация, к которой прибегал Александр I, представляется ими как средство, применяемое императором для решения политических задач.

Сомневаться в рациональности Александра I не приходится, для управления империей нужен расчётливый и холодный ум, способный разобраться в социокультурных особенностях своих подданных. Но и отказать императору в чистосердечном мистицизме, к которому, по замечанию Г. Флоровского, он был подготовлен воспитанием, основанным на началах чувственного гуманизма, также нельзя [Флоровский, 1991, с. 130]. Дело здесь заключается в том, что сознание значительной части высшего российского общества, оторвавшегося к началу XIX столетия от православного осмысления действительности, не было лишено символического мировосприятия. В период господства в XVIII веке рационалистических философских идей была лишь нарушена связь с догматическим объяснением символики материальных и духовных феноменов, но значимость символизма сохранялась.

Объяснить востребованность этого феномена в высшем обществе Александровской эпохи возможно посредством умозаключения Э. Кассирера: «Мысль не прямо применяется к действительности, но выдвигает систему знаков и учится использовать их как “представителей” предметов. По мере утверждения этой представительной функции бытие становится упорядоченным целым, ясно обозримой структурой» [Кассирер, 1929, с. 24]. Таким образом, не имея чётких ориентиров, связанных с православной культурой, аристократия увлекалась внецерковным мистицизмом, надеясь при помощи его символической функции представить структурную целостность окружающего мира. Фигура князя Голицына, одного из самых влиятельных людей Александровской эпохи, как нельзя лучше свидетельствует об этом. «Голицын, – по замечанию Г. Флоровского, – обратился в “универсальное христианство”, в религию

сердечного воображения и опытов сердца, – этим только он и дорожил в христианстве. Отсюда его интерес к сектантским “обращениям” и “пробуждениям”, – сущность религии именно здесь, казалась ему, явлена без напрасных оболочек. Во “внешнем” богопочтении и в церковности он ценил и понимал только символику, только эту чувственно-таинственную внушительность обряда» [Флоровский, 1991, с. 131–132].

Увлечение мистицизмом стало не просто модным веянием Александровской эпохи, а приобрело массовый характер [Зеньковский, 1991, с. 120]. Огромной популярностью пользовались тогда в высшем свете работы мистических авторов XVI–XVII столетий, таких, как Якоб Бёме и Иоганн Арндт, мыслителей позднего периода – XVIII и начала XIX вв.: Эммануила Сведенборга, Луи де Сен-Мартена и Иоганна Юнг-Штиллинга. Переведённые на русский язык произведения этих мистиков активно распространялись в среде российской аристократии, оказывая значительное влияние на продолжающуюся секуляризацию. Всё это создавало синкретическую атмосферу духовного поиска, в которой свободно могли сочетаться как официальные православные традиции, так и эзотерические духовные практики.

Не менее значимым фактором, подлежащим учёту при рассмотрении развития взаимоотношений представителей православной и светской культур в Александровскую эпоху, является философская мысль. Философия в тот период, по замечанию В. В. Зеньковского, «возбуждала надежды, далеко выходящие за пределы её возможностей, – от неё ожидали не столько ответа на теоретические запросы ума, сколько указаний на то, как разрешить вопросы жизни» [Зеньковский, 1991, с. 120]. Усиление философского влияния на интеллектуалов Александровской эпохи было связано с проникновением в Россию немецкой философской мысли: идеалистические идеи И. Канта, натурфилософия Ф. Шеллинга и созвучный с ней романтизм буквально оторвали молодых мыслителей российского общества от идей французских просветителей. Желая заполнить освободившееся духовное пространство, юные интеллектуалы искали в немецких философах опору, которая поможет им сформировать целостное представление об окружающей действительности. Философия, таким образом, была не просто методом познания, а «воспринималась, как секулярная замена церковного мировоззрения» [Зеньковский, 1991, с. 120].

Популярность немецкой философии и связанного с ней романтизма в период Александровской эпохи объясняется всё тем же символическим

сознанием российской интеллигенции. Не найдя в рационалистических формах философии Просвещения твёрдого основания, способного заменить символическое церковное мышление, российские мыслители жаждали обрести его в немецком идеализме. Ключевой фигурой в этом отношении выступал для них Ф. Шеллинг, представляющий символическое воплощение идеи в материально-чувственных вещах. «Идея, поскольку она имеет своим символом реальное единство как особенное единство, есть материя», – утверждал немецкий мыслитель [Шеллинг, 1966, с. 184]. Такое понимание сути чувственно явленных феноменов находило отклик символического сознания русских интеллектуалов, открывая для них доступ к осмыслению трансцендентного пространства.

Представленную социокультурную картину дополняло масонство. Массоны, освободившись от притеснений после смерти Екатерины II, принимали в тот период активное участие в жизни государства. Известные в масонских кругах Ключарев и Лопухин были сенаторами, Кошелев входил в Государственный совет, Кутузов и Бенкендорф занимали высокое положение в военных кругах. В числе императорских советников, принадлежащих к масонству, числились Новосильцев, Кочубей и Сперанский. По замечанию Фёдорова, в начале XIX века в России действовало около двухсот масонских лож, объединявших более пяти тысяч человек. Российские масоны были убеждены, что религиозная политика государства необходимо должна вести к единению всех вероисповеданий в единую церковь. Этому же мнения в начале своего царствования придерживался Александр I, в котором масоны видели «своего человека» [Фёдоров, 2003, с. 177, 179].

Заметной фигурой, возглавлявшей религиозно-философское течение мистически настроенных масонов Александровской эпохи, являлся выпускник Императорского Московского университета А. Ф. Лабзин. Для круга его единомышленников была характерна устремлённость к духовно-нравственному самосовершенствованию, основанному на принципах свободомыслия, что приводило их к отрицанию любых форм догматизма. Занимаясь литературной деятельностью, Лабзин возобновил выпуск мистического журнала «Сионский вестник», это обстоятельство способствовало укреплению мистических настроений в высшем свете. В частности, популярностью в то время пользовались учения квакеров, ориентированных на внецерковные формы христианства. Воззрения подобного рода вызывали интерес даже у императора, отражая

общий контекст либерализации религиозных практик этого исторического периода [Зеньковский, 1991, с. 122]. Неудивительно, что в этих условиях были восстановлены не только действовавшие ранее масонские ложи, но и возникли новые религиозно-философские объединения.

Анализ представленной ситуации вызывает закономерный вопрос: каковы причины укрепления масонства в высшем свете после его ухода в тень в конце XVIII века? Ответ очевиден: масонство привлекало аристократию своим символизмом, оторванным от христианской догматики. Синкретическая внецерковная сущность масонской символики подробно исследована в диссертационной работе М. А. Карвелиса [Карвелис, 2010]. А осмысление масонами процесса необратимых общественных изменений без обращения к идее Божественного провидения показано на примере М. Щербатова В. А. Скопой [Скопа, 2023, с. 99]. В этом отношении российские масоны XIX века выступали продолжателями своих предшественников, но произошли и существенные изменения, коснувшиеся идейно-содержательных аспектов масонского братства. Так, в XVIII веке масонство ориентировалось преимущественно на идеи Новикова, придерживавшегося просветительских целей, а в Александровскую эпоху в ложах сформировалось политическое течение, выходящее за рамки моральных принципов масонства. Главным направлением стало мистическое учение: доминирующим был уход от активной общественной деятельности в сферу духовных поисков и самопознания. При этом задачи прямого улучшения условий жизни, взаимной поддержки и снижения страданий обездоленных отошли на второй план, уступив место внутреннему самоанализу и мечтательности [Николаева, 2010, с. 403].

Представленный обзор позволяет сделать вывод, что в первой четверти XIX столетия в России был взят курс на институционализацию религиозной терпимости. Эта тенденция активно поддерживалась Александром I, одобрявшим распространение внецерковных учений. Таким образом, мистицизм, связанная с романтизмом идеалистическая немецкая философия и масонство являлись для российской аристократии XIX века символическими формами, посредством которых устанавливалась связь окружающей действительности с трансцендентным миром. В православии же этим связующим звеном всегда была и остаётся Церковь, являющаяся хранительницей Священного Предания и Священного Писания – главных смысловых источников, определяющих символику православной культуры [Филатов, 2023, с. 189]. Эта разница показывает смысловую индивидуальность представленных феноменов, подчёркивая их внецерковный характер.

Доминирование выделенных культурных единиц в среде российской аристократии свидетельствует о стремлении высших слоёв общества эпохи Александра I удовлетворить потребности символического сознания, минуя дефиниции, утверждённые официальной Церковью. Данное обстоятельство является ключевым фактором, подлежащим учёту при непосредственном анализе взаимоотношений между православной и светской культурами в период правления Александра I. Обозначенное различие источников, определяющих связь православного и светского символических сознаний с трансцендентным миром, позволяет рассматривать данные взаимоотношения как процесс взаимодействия двух разнородных символических универсумов. Таким образом, символизм выступает общей дефиницией для православной и светской культур Александровской эпохи, но его смысловая неоднородность является развединающим фактором, лежащим в основе динамики их взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зеньковский, В. В.** История русской философии. Т. 1, ч. 1 / В. В. Зеньковский. – Ленинград: Эго, 1991. – 220 с.
2. **Карвелис, М. А.** Массонская символика в русской культуре XVIII – начала XIX вв. : дис. кандидата культурологии : 24.00.01 – Теория и история культуры / М. А. Карвелис; С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. – Санкт-Петербург, 2010. – 267 с.
3. **Кассирер, Э.** Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания / Э. Кассирер. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. – 398 с.
4. **Николаева, Т. А.** Философские искания русского масонства XIX века / Т. А. Николаева // Вестник МГТУ. – 2010. – Том 13. – № 2. – С. 403–407.
5. **Скопа, В. А.** Философско-исторические взгляды М. М. Щербатова / В. А. Скопа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2023. – № 8. – С. 97–99.
6. **Скопа, В. А.** Взаимодействие православной и светской культур России в XVIII веке: культурфилософский аспект / В. А. Скопа, Н. П. Филатов. – Культура и текст. – 2024. – № 1. – С. 152–161. – URL:<https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2024/03/152-161.pdf> (15.09.2025).
7. **Тальберг, Н. Д.** История Русской Церкви Т. 2. От Святейшего Синода до восстановления Патриаршества / Н. Д. Тальберг. – Москва: Правило Веры, 2008. – 846 с.

8. **Фёдоров, В. А.** Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) / В. А. Фёдоров. – Москва: Русская панорама, 2003. – 480 с.

9. **Филатов, Н. П.** Влияние философии Просвещения на динамику секуляризации русской культуры в XVIII в. / Н. П. Филатов // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 4. – С. 110–115.

10. **Филатов, Н. П.** Осмысление православной культуры посредством системного подхода / Н. П. Филатов // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 11. – С. 187–191.

11. **Флоровский, Г. В.** Пути русского богословия / Г. В. Флоровский, прот. Вилнюс, 1991. – 599 с.

12. **Чернов, С. Л.** «Мистицизм» Александра I / С. Л. Чернов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (66). – С. 17–26.

13. **Шеллинг, Ф.** Философия искусства / Ф. Шеллинг. – Москва: Мысль, 1966. – 496 с.

REFERENCES

1. **Chernov, S. L.** «Misticizm» Aleksandra I / S. L. Chernov // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 3 (66). – S. 17–26.

2. **Fedorov, V. A.** Russkaya pravoslavnaya cerkov i gosudarstvo. Sinodalnii period:1700–1917 / V. A. Fedorov. – Moskva: Russkaya panorama, 2003. – 480 s.

3. **Filatov, N. P.** Vliyanie filosofii Prosvescheniya na dinamiku sekulyarizatsii russkoi kulturi v XVIII v. / N. P. Filatov // Obschestvo, filosofiya, istoriya, kultura. – 2024. – № 4. – S. 110–115.

4. **Filatov, N. P.** Osmislenie pravoslavnoi kulturi posredstvom sistemnogo podhoda / N. P. Filatov // Obschestvo, filosofiya, istoriya, kultura. – 2023. – № 11. – S. 187–191.

5. **Florovskii, G. V.** Puti russkogo bogosloviya / G. V. Florovskii, prot. Vilnyus, 1991. – 599 s.

6. **Karvelis, M. A.** Masonskaya simbolika v russkoi kulture XVIII – nachala XIX vv.: dis. kandidata kulturologii: 24.00.01 – Teoriya i istoriya kulturi / M. A. Karvelis; S.-Peterburg. gos. Un-t kulturi i iskusstv. – Sankt-Peterburg, 2010. – 267 s.

7. **Kassirer, E.** Filosofiya simbolicheskikh form. Tom 3 Fenomenologiya poznaniya / E. Kassirer. – Mschskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga, 2002. – 398 s.

8. **Nikolaeva, T. A.** Filosofskie iskaniya russkogo masonstva XIX veka / T. A. Nikolaeva // Vestnik MGTU. – 2010. – Tom 13, № 2. – S. 403–407.

9. **Skopa, V. A.** Filosofsko-istoricheskie vzglyadi M. M. Scherbatova / V. A. Skopa // *Sovremennaya nauka: aktualnie problemi teorii i praktiki. Seriya: Poznanie.* – 2023. – № 8. – S. 97–99.

10. **Skopa, V. A.** Vzaimodeistvie pravoslavnoi i svetskoï kultur Rossii v XVIII veke: kulturfilosofskii aspekt / V. A. Skopa, N. P. Filatov. – *Kultura i tekst.* – 2024. – № 1(56). – S. 152–161. – URL:<https://journal-altspu.ru/wp-content/uploads/2024/03/152-161.pdf> (15.09.2025).

11. **Talberg, N. D.** Istoriya Russkoï Cerkvi T. 2. Ot Svyateishego Sinoda do vosstanovleniya Patriarshestva / N. D. Talberg. – Moskva: Pravilo Veri, 2008. – 846 s.

12. **Shelling, F.** Filosofiya iskusstva / F. Shelling. – Moskva: Misl, 1966. – 496 s.

13. **Zenkovskii, V. V.** Istoriya russkoï filosofii. T. 1, ch. 1 / V. V. Zenkovskii. – Leningrad: Ego, 1991. – 220 s.

Статья поступила в редакцию 03.11.2025 г.